

УДК 94(100) «1914/19»

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ
РУССКОГО ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

© 2024 Ю.А. Жердева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 09.01.2024

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию последствий демилитаризации Русского фронта Первой мировой войны для окружающей среды. Целью исследования является реконструкция ключевых аспектов демилитаризации военных ландшафтов фронта в период демобилизации русской армии с октября 1917 г. по март 1918 г., а также выявление долгосрочного влияния этого процесса на окружающую среду. Географические рамки исследования ограничены преимущественно Юго-Западным фронтом, который к октябрю 1917 г. был самым протяженным на Европейском театре военных действий и демобилизация которого практически не изучена. Исследование выполнено на основании архивных материалов РГВИА, РГВА и ГАРФ, а также опубликованных источников. В работе анализируются угрозы, которые развал русской армии, самовольно начавшаяся хаотичная демобилизация и утрата контроля над военным имуществом создавали для фронта и прифронтовой территории, практики ремилитаризации фронтового пространства, а также долгосрочные последствия незаконченной демобилизации армии и демилитаризации фронта. Автор приходит к выводу, что в процессе демилитаризации и последовавшей за ней ремилитаризации бывшего Русского фронта основные практики обращения с окружающей средой, больше не контролировавшиеся ответственными гражданскими институциями типа земств, стали более хищническими. Утрата военным командованием контроля над военным имуществом в октябре - ноябре 1917 г. происходила параллельно с утратой контроля над порядком в уездах прифронтовых губерний местной гражданской властью. Если во время войны демилитаризация (очистка окопов и окружающего их пространства от последствий влияния удушливых газов, ассенизация, рекультивация почвы, сбор оружия с полей сражений) практиковалась как средство сохранения боеспособности армии, то хаотичная демобилизация заслонила эти экологические вопросы банальными проблемами транспортировки и сохранности военного имущества. В окружающей среде эти последствия становятся особенно заметными при изучении хозяйственных процессов межвоенного периода.

Ключевые слова: Первая мировая война, Юго-Западный фронт, экологическая история, военные ландшафты, комбатанты, Русская императорская армия, Брестский мир, демобилизация, демилитаризация, рекультивация, дезинфекция, транспортный кризис, деколонизация, революция 1917 года.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-1-39-55

EDN: MTGJST

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-59-14003 «Великая война и антропоцен: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе».

ВВЕДЕНИЕ

«Политическая» история понимает под окончанием войны финальную точку, которая наступает после долгого ведения пере-

*Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения.
E-mail: zherdeva.yua@ssau.ru*

говоров о прекращении военных действий и маркирует момент достижения обоюдного соглашения между конфликтующими сторонами. Для истории «военной» окончание боевых действий или подписание мирного договора не является моментом завершения военного процесса, ведь войска еще предстоит демобилизовать, военнопленных – вернуть, оружие с полей сражений со-

брать и переместить в хранилища, поэтому демобилизация армии, то есть возвращение ее к состоянию мирного времени, растягивается, как правило, на несколько лет. Что касается истории «культурной», то с ее перспективы, как показывают многочисленные исследования Первой мировой войны, война не заканчивается ни с объявлением политиками мира, ни с возвращением домой комбатантов – она остается «шрамом» как в памяти поколения, ее пережившего, так и в памяти следующих поколений¹.

Многочисленные свидетельства этих переживаний историки фиксируют как на уровне индивидуальных рефлексий (в дневниковых или мемуарных источниках, в эпистолярных текстах), так и в рефлексии общества о пережитом опыте (в литературных произведениях, кинематографе, мемориальных комплексах, музейных экспозициях, практиках коммемораций и проч.)². Эти свидетельства как артефакты культуры являются «зримыми» следствиями войны, они довольно легко фиксируются, распознаются как «последствия» войны, заметны наблюдателю. Однако есть среди эффектов войны такие, «видимость» которых условна, свидетельствование которых требует дополнительного научного анализа, порой лабораторного, и которые сложно предъявить как артефакт – к таким явлениям относятся экологические последствия войны.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В последние десятилетия экологическая история стала одним из актуальных направлений в историографии. Многочисленные работы посвящены исследованию войны как экологической катастрофы³. Экологическая перспектива военной истории позволила сдвинуть фокус с изучения европейского региона и обратить внимание на те зоны мировой географии и политики, которые долгое время считались «периферийными»⁴. Этот сдвиг «колониального дискурса» военной истории дает возможность расширить исследовательскую оптику и включить в поле зре-

ния историка те процессы, которые не были заметны в рамках «больших нарративов»⁵. Одним из таких процессов является демилитаризация Русского фронта после окончания Первой мировой войны.

Стоит заметить, что демилитаризация Русского фронта после Первой мировой войны в целом, как и демобилизация русской армии, в частности, остаются крайне фрагментарно исследованными процессами до сих пор. Советская историография еще с 1920-х гг. перестала выделять события конца 1917 - начала 1918 г. из Гражданской войны, заслонив итоги «империалистической войны» более значимым идеологическим событием⁶. В результате демобилизация царской армии не рассматривалась как особый предмет исследования, а становилась частью анализа процесса формирования новой, «революционной», армии, причем материалами для реконструкции «революционаризации» служили в основном документы Северного и Западного фронтов.

В постсоветской историографии ситуация немного изменилась, но не поменялась радикально. В 1990-е гг. продолжились исследования материалов по демобилизации Северного и Западного фронтов⁷, однако основное внимание историков Первой мировой войны оказалось сосредоточено на других, также ранее периферийных явлениях: беженство, плен, общественные организации, благотворительность, массовые настроения, «культура» войны в тыловых городах Российской империи и т.п.⁸ – характерно, что многие из этих сюжетов сосредоточены на тыле, а не на фронте. Лишь в последние пять лет стали появляться работы, специально посвященные анализу германской оккупационной администрации (Обер-Ост) и русской дунайской администрации, в том числе, судьбе военного имущества в конце 1917 - начале 1918 г.⁹ Но по-прежнему малопонятны процессы, которые происходили на самом длинном участке Русского фронта, с наиболее многочисленной армией и вооружением – Юго-Западном фронте.

В четырехтомнике О.Р. Айрапетова, последняя книга которого целиком посвящена событиям 1917 г., раздел «повальная демобилизация» занимает около четырех страниц¹⁰. Фундаментальная трехтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне» даже не содержит отдельной статьи по демобилизации, как будто этого процесса не существовало¹¹. В большинстве обобщающих работ (за исключением Дж. Санборна) события 1917 г. на Русском фронте Первой мировой войны заканчиваются Февральской революцией, провалом «Июньского наступления», в крайнем случае последствиями «Корниловского мятежа», а исследование военных процессов 1918 г. обычно начинается с мая, в лучшем случае с марта¹². В результате в понимании исторического ландшафта, казалось бы, так хорошо исследованных Первой мировой войны 1914-1918 гг., революции 1917 г. и Гражданской войны 1918-1922 гг. образовалась малозаметная цезура – с октября 1917 г. до марта 1918 г., если вводить условные датировки. По сути, этими хронологическими рамками ограничена как раз демобилизация Русского фронта.

Между тем демобилизация, как и мобилизация, является сущностным процессом военных алгоритмов и не может игнорироваться в стремлении исследовать комплексный характер войны, этого, к сожалению, неопременного компонента человеческой истории. Что касается влияния ее на окружающую среду, пространство фронта, структуру его ландшафта, последствий неограниченной, хищнической эксплуатации «чужих территорий» (т.н. «ничьей земли»), загрязнения почв тяжелыми металлами, заболачивания полей и лесов и других подобных практик военного «хозяйствования», то можно сказать, что на материалах Русского фронта экологическое измерение демилитаризации пространства фронта еще не исследовалось. При этом влияние данных процессов на состояние ландшафта и хозяйственные практики межвоенного периода позволяют говорить именно о долгосрочных трендах.

МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данной работы является реконструкция ключевых аспектов демилитаризации военных ландшафтов Русского фронта в период демобилизации армии с октября 1917 г. по март 1918 г., а также выявление долгосрочных последствий этого процесса на окружающую среду.

Географические рамки исследования ограничены преимущественно одним участком – Юго-Западным фронтом (далее – ЮЗФ), который к октябрю 1917 г. был самым протяженным на Европейском театре военных действий, растянувшись на 615 км от р. Припять до румынского города Кимполунг, и насчитывал около 2,1 млн человек в строю и в организациях¹³. Выбор фронта обусловлен историографическими лакунами, указанными ранее, однако из-за того, что часть материалов по демобилизации так и не была вывезена с ЮЗФ и потому не попала в центральные военные архивы нашей страны, некоторые аспекты демобилизации иллюстрируются примерами с других фронтов, главным образом Северного и Западного.

Основными источниками исследования являются протоколы заседаний и программы Комиссии по приведению армии в состав мирного времени, материалы по учету военного имущества Киевского военного округа, отчеты и доклады Особого комитета Юго-Западного фронта, протоколы заседаний Комиссии Комитета ЮЗФ Всероссийского Земского союза по вопросам демобилизации армий и другие документы, находящиеся преимущественно в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном военном архиве (РГВА), а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Для работы привлекались нормативные документы, официальная переписка, периодическая печать и источники личного происхождения.

Статья состоит из трех разделов: в первом анализируются угрозы, которые развал рус-

ской армии, самовольно начавшаяся хаотичная демобилизация и утрата контроля над военным имуществом создавали для фронта и прифронтовой территории, во втором – практики ремилитаризации фронтового пространства, а в третьем – долгосрочные последствия незаконченной демобилизации армии и демилитаризации фронта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Демобилизация армии как экологическая угроза

В первую очередь следует оговориться, что сам процесс демобилизации армии русское командование до весны 1917 г. не обсуждало. Фактически царская Ставка не рассматривала демобилизацию как серьезную проблему будущего, да и перспектива ее к февралю 1917 г. вырисовывалась еще слишком смутно. Однако после февральской революции 1917 г., несмотря на заявления Временного правительства о «войне до победного конца» и разработке планов ближайшего летнего наступления, этот вопрос все-таки возник. В мае 1917 г. была создана Комиссия по приведению армии в состав мирного времени, выработавшая в течение лета программу демобилизации армии и военного имущества, с 1 июня при Юго-Западном фронте, опережая распоряжения верховного командования, стала работать Комиссия Комитета ЮЗФ Всероссийского Земского союза по вопросам демобилизации армий; к сентябрю была разработана «Программа мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г.» Н.Н. Духонина и М.К. Дитерихса¹⁴. Однако вплоть до октябрьского большевистского переворота 1917 г. все обсуждения демобилизации были засекречены, и даже если велись с привлечением представителей отдельных армий или общественных организаций, то при условии соблюдения строжайшей тайны и неразглашения подчиненным¹⁵.

И командование, и правительство опасались, что открытое обсуждение демобилизации усугубит и без того напряженную

обстановку на фронте, создаст напрасное ожидание окончания войны, еще больше усилит дезертирство («самодемобилизацию») в войсках. И если еще в июле командование Юго-Западным фронтом обсуждало возможность публикации выработанной программы мероприятий по демобилизации, то уже в августе решило воздержаться от обнародования этих планов. Последствия такой «отмены» демобилизации для настроений в армии были удручающими: солдаты самостоятельно покидали позиции, а при появлении в «свободной прессе» малейших слухов о том, что начинается отправка домой военнотружущих определенных возрастов (частичная демобилизация солдат призывов 1897-1898 гг. в сентябре-октябре протекала крайне неудачно) самодемобилизация и вовсе приобрела массовый и неконтролируемый характер¹⁶.

Утаивание планов демобилизации оказало еще более негативное влияние на низовые практики отправки людей и имущества с фронта: войсковые части, на которые в конечном итоге была возложена задача по учету и сбору имущества, его хранению и транспортировке в ноябре-декабре 1917 г. оказались совершенно не готовы к администрированию этого процесса. Они жаловались на отсутствие предварительных соглашений, раздваивались и даже утраивались, дублируя функции, а также руководителей, и зачастую не имели ресурсов для реального исполнения своих распоряжений¹⁷. «Мы почувствовали, что нам не хватает самого главного: инструкций, указаний, плана демобилизации», – с отчаянием писал один из руководителей армейской демобилизационной комиссии на Северном фронте¹⁸. Однако и обнаруженный в архиве Штаба фронта секретный план демобилизации не прибавил спокойствия: составлялся он в Петрограде, еще летом 1917 г., с расчетом на «нормативное» проведение демобилизации, т.е. при железной дисциплине в войсках и полной исправности тыловых учреждений и железных дорог, – ничего подобного к декабрю 1917 г. на фронте уже не было.

Какие последствия все это имело для характера воздействия войны на окружающую среду? Если ответить коротко, то самые катастрофические.

Во-первых, неготовность политических и военных элит к демобилизации, откладывание разработки ее сценариев до самого последнего момента способствовали усилению управленческого кризиса, грозившего оставить без присмотра на полях сражений тонны оружия и отравляющих веществ. Административный кризис охватил армию после опубликования Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов печально известного Приказа № 1, фактически ликвидировавшего ствольную основу армии – принцип единоначалия и жесткой субординации. В результате, когда частичная демобилизация в сентябре 1917 г. действительно началась, оказалось чрезвычайно сложно удерживать дисциплину и строгий порядок ее проведения: солдаты самовольно бросали позиции, отказывались оставаться охранять военные склады, покидали войска, не сдавая оружие, а увозя его с собой в тыл страны. По сведениям командования Западного фронта, к декабрю 1917 г. около 25% солдат самовольно покинули позиции, бросив без охраны военное имущество¹⁹. И если во время войны сбор металла с полей сражений был хорошо налажен с помощью специальных команд, то демобилизация фактически сделала его невозможным, оставляя зимой 1917/1918 гг. большое число оружия под снегом, никем не убранным, выходящим из строя²⁰, но по-прежнему опасным, особенно если речь шла о химическом оружии, которое с 1916 г. активно поставлялось в русскую армию.

Пожалуй, одной из самых серьезных угроз стал самороспуск тех нестроевых служб, которые отвечали за дезинфекцию фронта (организовывали подвоз чистой воды, вычищали отхожие места, поддерживали чистоту бань, кухонь, столовых и других фронтовых помещений и т.п.), в том числе производили захоронения солдат и санацию могил. В русской армии неодно-

кратно обсуждалась проблема недостаточности глубины массовых захоронений²¹, размывания могил грунтовыми водами и попадания продуктов разложения в местные водоемы, оценивалась реальность угрозы заражения для расположенных вблизи массовых захоронений деревень и городов (напомним, что за время войны в русскую армию было мобилизовано около 15 млн человек, а безвозвратные потери составляли порядка 6 млн человек²²).

Во-вторых, чрезвычайно возросла эпидемиологическая угроза, которую создавали не получающие в дороге достаточного питания, теплой одежды и медицинской помощи демобилизовавшиеся солдаты. К октябрю 1917 г. предполагаемый состав армии исчислялся около 7 млн человек²³, и, даже с учетом дезертирства, демобилизация должна была единовременно отправить с фронта несколько миллионов человек, не считая ожидаемые потоки беженцев и военнопленных. Еще летом 1917 г. врачи пугали военных катастрофическим ростом числа венерических больных (только в марте 1917 г. их было около миллиона), требовали передать на эвакуационные пункты «излишествовавшие в армиях» дезинфекционные отряды, проводить тщательный санитарный осмотр демобилизуемых солдат, обеспечить им баню, стрижку волос, перемену белья и дезинфекцию одежды, прививать беженцев тетровакциной²⁴. Реализовать эти меры на практике в конце 1917 - начале 1918 г. стало практически невозможно.

В еще более сложном положении оказались оставленные без присмотра животные, сотни тысяч голов скота и лошадей. Только конский состав русской армии в 1917 г. достигал почти 3 млн голов, а число «порционного скота» оценивалось потребностью в 1 млн голов крупного рогатого скота в месяц²⁵ (в действительности животных в армии было меньше из-за начавшегося продовольственного кризиса и устойчивой практики «реквизиций» скота у местного населения). По приблизительным оценкам, на одном Юго-Западном фронте находилось к

октябрю 1917 г. от 665 до 800 тыс. лошадей, т.е. больше, чем во всей русской армии на момент начала Первой мировой войны²⁶. Содержание такого гигантского гурта и конского состава требовало от армии стабильного подвоза корма, значительного числа ветеринарного персонала, а также профилактики и своевременной диагностики инфекционных заболеваний. Страшный снабженческий кризис в ноябре-декабре 1917 г. поставил большинство животных перед угрозой вымирания²⁷. Большую проблему составляла дезинфекция скотобоен, захоронение останков животных, утилизация костей (их рекомендовалось сжигать, и к 1916 г. армия, видимо, стала одним из поставщиков костной муки для нового вида удобрений²⁸) – все эти проблемы только усугубились в период демобилизации, когда распались дезинфекционные отряды.

Надвигающейся угрозой стало распространение инфекционных заболеваний, особенно при передаче больных животных местному населению. Если во время войны угроза была обратной (получить от местных больных животных), то в период демобилизации источником заразы стала сама армия, в которой сломались институты профилактики и лечения. Несмотря на то, что в стабильных условиях, как показывает М.В. Оськин, ветеринарного персонала было достаточно для того, чтобы с помощью профилактических мер и лечения обеспечить контроль над заболеваниями животных²⁹, с развалом фронта именно недостаток ветеринаров, особенно фельдшеров, при огромном количестве животных повышал уровень угрозы эпизоотий.

Эпидемии сапа и чесотки среди конского состава и тифа среди людского стали страшным последствием хаотизации русского фронта. При этом, как предупреждали врачи при разработке программы демобилизации, весь этот хаос угрожал в первую очередь не фронту, а тылу, поскольку больные солдаты, беженцы и военнопленные, а также заболевшие лошади неизбежно должны были устремиться в глубь России, разно-

ся с собой те заболевания, которые во время войны удавалось сдерживать «медицинскими кордонами» в прифронтовой полосе³⁰.

2. Ремилитаризация фронтового и прифронтового пространства

Казалось бы, демобилизация армии, вывод войск с пространства фронта, а вместе с ним и вывоз военного имущества должны производить осязаемую демилитаризацию фронта, очищение его от следов военных действий, хотя бы наиболее угрожающих спокойствию местного населения и целостности окружающей среды. Однако, как показывают современные исследования влияния Первой мировой войны на природный ландшафт, это было не совсем так: с одной стороны, поля действительно быстро покрывали растительностью воронки от снарядов и как будто «стирали» с ландшафта следы кровавой бойни. К примеру, сотрудница Красного Креста К.Х. Смит, посетившая в 1920 г. разрушенный войной Ипр, чрезвычайно удивлялась тому, как быстро «на месте ям от снарядов выросла трава, а среди заброшенных резервуаров стали пастись овцы и козы»³¹, а один из комбатантов, вернувшись в 1919 г. на место прошлогодней битвы, записал в дневнике: «Это место было трудно узнать. Вместо дикой земли, разорванной снарядами, совершенной пустыни без признаков растительности, земля представляла собой сад полевых цветов и высоких трав»³². С другой же стороны, окружающая среда, понимаемая шире, чем просто «природный ландшафт», и включающая в себя еще и ментальную конструкцию – представления о природе и ее восприятие человеком – еще долго сохраняла «память» о войне, отравленных почвах, заболоченных поймах, безлесых пустынях, нашлагнированных металлом полях. Одним из таких маркеров военного прошлого оставались, конечно, бесчисленные руины, которыми были покрыты фронтовые пространства, а также склады военного имущества, ожидавшего своей отправки в тыл воевавших государств. Даже порядок цифр таких хранилищ дает представление о масштабах находив-

шегося на фронте военного имущества: так, для демобилизации Юго-Западного фронта только в одном Киевском военном округе требовалось создать 70 больших складов³⁵, на Румынском фронте их было образовано около 200³⁴. Соответственно, демобилизация на какое-то время сохраняла маркеры военного присутствия в ландшафте, и в действительности гораздо дольше, чем ожидали проектировавшие демобилизацию русской армии военные комиссии, о которых речь шла выше.

В условиях стабильного политического развития эти склады должны были быть постепенно расформированы и перераспределены по местам сосредоточения армии в период мирного времени. Однако окончание Первой мировой войны на Русском фронте никак нельзя считать «стабилизацией» политической ситуации, особенно в той его части, которую в западной историографии принято называть «Восточным фронтом». Напротив, война для бывшего Русского фронта не закончилась: часть его была оккупирована германскими и австро-венгерскими войсками еще в феврале 1918 г., занята румынской армией, другая – оказалась в эпицентре гражданской войны, а затем и пограничных конфликтов 1918-1920 гг. (советско-украинского, польско-украинского, советско-польского). Как эти обстоятельства повлияли на демилитаризацию фронта и демобилизацию русского военного имущества?

Из отчетных документов начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.Д. Бонч-Бруевича от 18(31) января 1918 г. видно, что на Западном и Северном фронтах, куда он смог доехать с инспекцией (с Юго-Западным фронтом к тому времени уже не было связи, т.к. он с ноября 1917 г. оказался фактически на территории суверенного государства – Украинской народной республики³⁵), военное имущество с трудом поддавалось контролю. Орудия были брошены, засыпаны снегом, в их каналах застыла вода, дорогостоящие прицельные приспособления были поломаны

и испорчены, окопы заброшены или разобраны на топливо самими солдатами либо местным населением³⁶.

Если с Северного и Западного фронтов русское военное имущество хотя бы частично удалось вывезти даже в условиях транспортного кризиса конца 1917 - начала 1918 г., то эвакуация военного имущества с Юго-Западного и Румынского фронтов на территорию бывших Киевского и Одесского военных округов Российской империи оказалась фактически невыполнимой. И затруднение создавали не только отсутствие железнодорожных составов и топлива, но и самовольно покидавшие фронт солдаты, которые уносили с собой часть военного имущества, отказывались свозить многотонные орудия к железнодорожным станциям, покидали караульные посты. С декабря 1917 г. на пространстве бывшего Русского фронта процветало воровство военного имущества: склады подвергались вооруженным налетам, а солдаты охраны порой сами взламывали замки и распродавали имущество местным³⁷.

Кроме того, значительная часть русского военного имущества попала под контроль новых оккупационных властей, занявших пространства от Черного моря до Балтийского по итогам Брестского мира. В воспоминаниях В.А. Слюсаренко содержится выразительная картина этой ситуации: «В течение двух месяцев [февраля и марта 1918 г. – Ю.Ж.] австро-германскими войсками под начальством генерала Бельца и генерала Эйхгорна был занят Киев, весь наш Юго-Запад, Новороссийск и Крым. ...Причем австро-германцы своими гарнизонами заняли все губернские города и железнодорожные магистрали, по которым должны были перевозиться грузы хлеба, скота и других продуктов, ...а также военные запасы, металлы, порох, снаряды, оружие, колючая проволока и прочее, и прочее, в большом количестве хранившиеся в складах тыловой базы Юго-Западного и Румынского фронтов»³⁸. Конечно, правительства вновь образованных государств-лимитрофов понача-

лу считали именно себя «собственниками захваченных трофеев» и собирались передать германским властям лишь часть бывших русских военных запасов, однако, как отмечает Л.В. Ланник, «оказалось, что только войска интервентов могут обеспечить контроль над складами и тем пресечь расхищение и опасное всем властям вооружение местного населения, так что занявшие крупные военные базы державы реквизируют все запасы»³⁹. Румынские, украинские, польские и прибалтийские власти не могли составить конкуренцию мощной инфраструктуре германской армии, которая в больших количествах переправляла трофейное русское оружие на Западный фронт.

Однако и оккупационные власти не были в состоянии удержать под контролем процесс вооружения местного населения, полностью пресечь распространение «военного наследия» русской армии среди жителей оккупированных областей: на всей территории бывшего Русского фронта процветали воровство, черный рынок, теневая торговля оружием и лошадьми. Подпитка русским оружием парамилитарных конфликтов – крестьянских погромов лета-осени 1917 г. в украинских и белорусских землях, гражданских конфликтов на территории балтийских государств, Эстонии, Латвии и Литвы, и других лимитрофов в 1918-1920 гг., стала зримым проявлением «брутализации» пространства, поддерживавшей насилие послевоенного периода на уровне Первой мировой войны⁴⁰.

Сбылись и опасения верховного главнокомандующего русской армией генерала М.В. Алексева, который еще в мае 1917 г. предупреждал, что с окончанием войны несколько миллионов человек одновременно вернутся в страну и часть из них не захочет расставаться с оружием⁴¹. Фактически с окончанием военных действий на русском фронте после подписания Брестского мира 3 марта 1918 г. произошла не демилитаризация, а ремилитаризация его пространства, сохранявшего военный характер вплоть до 1920 г.⁴²

3. Долгосрочные последствия милитаризации ландшафта

Демобилизация войск и вывоз военного имущества с фронта закладывали на оставленном пространстве тренды, которые имели длинную временную протяженность. Первая мировая война впервые поставила перед человечеством такие вопросы взаимоотношения с экосистемой, которые до этого военного конфликта практически не обсуждались: на ком лежит ответственность за приведение полей и лесов в прежнее состояние – на армии, местном населении или правительстве; как поддержать пострадавшие локальные сообщества до момента, когда хозяйствование в них будет восстановлено; кто должен заниматься рекультивацией полей и восстановлением лесов – население или администрация; какова должна быть судьба животных, которые «героически» проявили себя на полях сражений, но получили увечья, не позволяющие им выжить после войны самостоятельно, и т.д. Эти вопросы оказываются в центре политических дискуссий межвоенного периода, мотивируют проведение лабораторных исследований, создают новые формы взаимоотношений человека с природой, усиливая роль заповедных зон, а также гуманизируют отношение к животным.

Вероятно, не последнюю роль в этом оживлении дискуссий по «военным» вопросам, которые долгое время оставались прерогативой военных и политиков, сыграло широкое привлечение к процессам в армии представителей гражданского общества – общественных организаций (от Красного Креста до Земского и Городского союзов), различных групп ученых⁴³ (от химиков и физиков до юристов и историков), творческой интеллигенции (фотографов и художников, как Константин Коровин, например, который занимался разработкой вопросов краскомаскировки для Юго-Западного фронта), не говоря уже об идеологической роли публицистов и журналистов. Общественное мнение России в годы Первой мировой войны, пусть и не так единодушно,

как считалось ранее⁴⁴, было довольно сильно вовлечено в военный дискурс.

Хорошим примером являются дискуссии в Московском обществе сельского хозяйства, в которых в самом конце 1916 г. обсуждались проблемы рекультивации полей на фронте и в прифронтной полосе. В ответ на довольно банальный довод одного из агрономов о том, что засеивать поля не стоит, поскольку остается риск в случае военных неудач оставить урожай противнику, А.В. Чайнов, известный экономист и общественный деятель, возражал, что русская армия на западе находит около 3/4 полей засеянными, и противника не останавливает от посева угроза потери урожая⁴⁵. Но, пожалуй, еще более неожиданно прозвучали его слова о том, что «разрушения, причиненные войной, должны быть за счет войны и исправлены», т.е. силами армии и помогающих ей общественных организаций. Чайнов утверждал, что в период демобилизации армии можно было бы начать засыпать траншеи, выравнять окопы и помогать местному населению в восстановлении разрушенных войной домов и хозяйств. Это новый уровень ответственности, к сожалению, не успел реализоваться на практике – революционные процессы в России радикально изменили возможности совместной работы по восстановлению полей военных и гражданских организаций, а новые военные конфликты на территории бывшего Юго-Западного фронта сделали его просто невозможным.

Колониальный характер эксплуатации захваченной территории всеми оккупационными администрациями во время войны усиливал антропогенную нагрузку на местность. Однако хаотизация всех управленческих процессов в период транзита администраций (императорской, временного правительства, советской, австро-венгерской, германской и т.д.) наносила еще больший урон окружающей среде, осложняла санацию пространств, усиливала эпидемиологическую угрозу. К примеру, демобилизация русской армии приводила к сокраще-

нию химического производства на бывшем пространстве фронта: около 40% суперфосфатных заводов бывшей Российской империи, производивших основное удобрение, находилось в Польше и оказалось на оккупированной германскими войсками территории; крупным центром сахарной промышленности был Юго-Западный край, оккупированный австрийской армией; прекратили работу почти все производившие дезинфекционные средства сернокислотные заводы, сконцентрированные в Подолии и также утратившие связь с бывшей метрополией⁴⁶. Резкое сокращение химического производства осложняло возможности использования удобрений для рекультивации полей, а также ставило в тяжелейшие условия работы, к примеру, по дезинфекции городов⁴⁷. В совокупности с политическими и климатическими факторами данные обстоятельства усиливали угрозу голода.

В межвоенный период наибольший ущерб, нанесенный территории бывшего Русского фронта, приписывался самым восточным районам Второй Польской Республики, граничившим с Россией и дольше других подвергавшимся оккупации и милитарному воздействию: утверждалось, что из всех регионов Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших по Рижскому мирному договору 1921 г. Польше, наибольшее падение урожайности наблюдалось именно в пограничных воеводствах, где «посевы хлебов страдают... сильно от ржавчины»⁴⁸. Причем металлы попадали в почву не только от брошенного на полях сражений оружия, которое буквально накрывало отдельные районы сплошным многометровым покровом, но также и из захоронений. Недавние химические исследования мест массовых военных захоронений на территории современной Польши демонстрируют повышенное количество восьми химических элементов в верхних частях почвенных профилей: меди, свинца, цинка, серы, калия, натрия, кальция и фос-

фора⁴⁹. Польский исследователь Юзеф Жиховский отмечает, что опасность для окружающей среды представляют те захоронения, которые располагаются на уклонах, приводящих к вымыванию из могил продуктов разложения и перемещению их на большие расстояния от захоронений⁵⁰.

Значительный урон война нанесла, естественно, лесной флоре и фауне. Древесина являлась самым распространенным строительным материалом для оборонительных сооружений, протяженность которых в условиях позиционной войны была невообразимо большой: по меткому выражению Пола Фассела, на Западном фронте с обеих сторон длина окопных линий была настолько велика, что «этими окопами можно опоясать Землю»⁵¹. Именно леса на Восточном (Русском) фронте Первой мировой войны пострадали больше всего. Польский историк Томаш Каргол отмечает, к примеру, что леса вокруг Перемышля во время осады крепости потеряли от 10% до 60% своего древесного покрова⁵². Демилитаризация пространства предполагала восстановление лесных массивов. Вместе с тем долговременным трендом стало изменение структуры лесных покровов: из-за нехватки квалифицированных работников, отсутствия финансирования, дефицита саженцев и в целом недостаточной эффективности восстановительных работ в межвоенной Польше на безлесных территориях, например, в Беловежской пуще и Августовских лесах, вместо дубов и грабов стала широко распространяться береза, что, как подчеркивает в своей недавней работе польский историк Лукаш Фаща, не всегда было желательно для лесного хозяйства⁵³. Распространившееся в 1917-1918 гг. из-за нехватки фосфорных удобрений на сухих и солнечных почвах Галиции нашествие майского жука, а также появление в соседних лесах вредных для деревьев и растений насекомых катастрофически сказывалось на состоянии лесных покровов и после окончания войны.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в процессе демобилизации и последовавшей за ней ремилитаризации бывшего Русского фронта основные практики обращения с окружающей средой, больше не контролируемые ответственными гражданскими институтами типа земств, стали более хищническими. Беспрецедентный разгул насилия, охвативший в 1918-1920 г. цветущие и плодородные районы Галиции, Волыни и Подолии, превратил пространство бывшего Юго-Западного фронта в «пространство ужаса», как его назвал немецкий историк Феликс Шнелль⁵⁴.

Утрата военным командованием контроля над имуществом в октябре - ноябре 1917 г. происходила параллельно с утратой контроля над порядком в уездах прифронтовых губерний местной гражданской властью. Беспорядки в селениях, порубки леса, потравы полей производились одновременно и местным крестьянством, и солдатами, т.е. имели явный «классовый» характер, вызванный общим социальным происхождением обеих групп, «демократизацией» и хаотизацией армии – природа при этом страдала ото всех.

Подводя итоги, отметим, что если во время войны демилитаризация (очистка окопов и окружающего их пространства от последствий влияния удушливых газов, ассенизация, рекультивация почвы, сбор оружия с полей сражений) практиковалась как средство сохранения боеспособности армии, то хаотичная демобилизация заслонила эти экологические вопросы банальными проблемами транспортировки и сохранности военного имущества. Континуальный характер демилитаризации бывшего Русского фронта позволяет говорить о его ремилитаризации сразу после окончания войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Horne J.* Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919–1939 // *French History and Civilization*. 2009. № 2. P. 101–119; *Cohen A.J.* Neither Here nor There: War Memorial Landscape in Imperial Russia, the Soviet Union, and the Russian Emigration, 1914–1939 // *Landscapes of the First World War* / eds. by S. Daly, M. Salvante, V. Wilcox. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 173–191.
- ² *Фассел Ф.* Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015; *Уинтер Дж.* Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы / [пер. с англ. А.В. Глебовской, науч. ред. Б.И. Колоницкий]. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023; *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2011.
- ³ См. обзор исследований в статье: *Нагорная О.С., Голубинов Я.А.* Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 2 (53). С. 5–16.
- ⁴ *Natural enemy, natural ally: toward an environmental history of warfare.* / eds. by R.P. Tucker, E. Russell. Corvallis: Oregon State University Press, 2004; *Environmental Histories of the First World War* / eds. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- ⁵ См. в отечественной историографии: *Nagornaia O.S.* A Fluid Enemy, Economic Resource and Bacteriological Hazard: Galician Rivers in Anthropological Constructs and Occupation Practices of the First World War // *Вестник Пермского университета. История*. 2023. № 4. С. 5–13; *Golubinov I.* Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. № 2. P. 586–602; *Likhacheva A.* Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives during the Great War // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. № 2. P. 603–616.
- ⁶ *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917–1918. М.: Наука, 1987. С. 231–241; *Кляцкин С.М.* К вопросу об использовании русской армии для нужд обороны Советской республики // *Военно-исторический журнал*. 1961. № 12. С. 24–35; *Смолянинов М.М.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. Минск: Наука и техника, 1981.
- ⁷ *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917–февраль 1918). М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. С. 190–198, 203–217; *Краснокутский В.В.* Демобилизация русской армии в 1917–1918 гг.: На примере Западного фронта: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- ⁸ *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.; *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. 152 с., и др.
- ⁹ *Ланник Л.В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.; *Ланник Л.В.* Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб.: Евразия, 2023. 816 с.; *Оськин М.В.* Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 1. С. 31–49.
- ¹⁰ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 4. 1917 год. М.: Кучково поле, 2015. С. 198–201.
- ¹¹ *Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 тт.* / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- ¹² Напр.: *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 - начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый Хронограф, 2014. 740 с.; *Бахурин Ю.А.* Фронт и тыл Великой войны. М.: Пятый Рим, 2019. 1136 с. Исключение составляет работа Дж. Санборна, выстроенная в русле постколониальной теории: *Санборн Дж.* Великая война и деколонизация Российской империи. Бостон-СПб.: Библиороссика, 2021. 456 с.
- ¹³ Справка дежурного генерала от 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142; *Асташов А.Б.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁴ Программа мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г. Составлена генералами Н.Н. Духониным и М.К. Дитерихсом. Сентябрь 1917 г. // ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–7.
- ¹⁵ См., напр.: *Журнал № 4 Комиссии по приведению армии в состав мирного времени*. 20.07.1917 // РГВИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 77. Л. 51; *Краткий отчет о деятельности Особого комитета Юго-Западного фронта*. 19.08.1917 // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 3. Д. 30. Л. 121; *Доклад [Особого комитета Юго-Западного фронта]*. 14.08.1917 // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 3. Д. 30. Л. 84–85.
- ¹⁶ *Журнал заседания Совещания, состоявшегося при Комиссариате по демобилизации.*

- 24 января 1918 // РГВИА. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 34. Л. 207-208.
- ¹⁷ Особые положения сохранения и использования военного имущества при приведении армии в состав мирного времени, выработанные III секцией Комиссии. 28.07.1917 // РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 81. Л. 38 об.
- ¹⁸ [Армиском 1. Черновик рукописи. Декабрь 1917 г.] // РГВИА. Ф. 2106. Оп. 7. Д. 67. Л. 23 об.
- ¹⁹ Журнал № 2 Сопещения 12 декабря 1917 года по вопросам прилагаемой программы // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 420. Л. 17 об.
- ²⁰ Донесение начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича в СНК и Генеральный штаб о состоянии армии. 18(31) января 1918 г. // Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов / отв. ред. А.В. Репников; сост. А.В. Борисов; при участии Б.С. Котова и Л.В. Ланника. М.: Политическая энциклопедия, 2022. С. 130.
- ²¹ Наставление о порядке погребения убитых на полях сражений и оздоровления этих полей от 10.09.1914 // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 13. Л. 24-25; Наставление о порядке погребения убитых на полях сражений и оздоровления этих полей от 6.09.1916 // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 10. Л. 254-255.
- ²² См.: *Асташов А.Б.* Указ. соч. С. 23.
- ²³ Статистика приведена по Справке дежурного генерала от 7 октября 1917 г.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142.
- ²⁴ Санитарное обслуживание демобилизации // РГВИА. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 34. Л. 90 об., 92 об., 93 об.
- ²⁵ *Сулейман Н.* Тыл и снабжение действующей армии. Часть 2. Фронт и армия. М.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1927. С. 472, 490.
- ²⁶ Справка дежурного генерала от 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142; *Сулейман Н.* Указ. соч. С. 471.
- ²⁷ Журнал № 2 Сопещения 12 декабря 1917 года по вопросам прилагаемой программы // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 420. Л. 1.
- ²⁸ *Якушкин И., Константинов П.* Опыты местного удобрения сахарной свеклы костяной мукой // Вестник сельского хозяйства. 1918. № 9-10. С. 12.
- ²⁹ *Оськин М.В.* Ветеринарное обеспечение русской армии в период Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 83-88.
- ³⁰ Доклад по ветеринарному управлению армии. 7.08.1917 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 672. Л. 403 об.
- ³¹ *Keller T.* Mobilizing Nature for the First World War. An Introduction // Environmental histories of the First World War... P. 2.
- ³² *Emden R., van.* Tommy's Ark: Soldiers and Their Animals in the Great War. 1st ed, Bloomsbury, 2010. P. 305.
- ³³ Выборка из журнала заседания комитета по демобилизации Юго-Западного фронта. 1.12.1917 // РГВИА. Ф. 2069. Оп. 1. Д. 460. Л. 595.
- ³⁴ *Оськин М.В.* Демобилизация Румынского фронта... С. 43.
- ³⁵ *Солдатенко В.Ф.* В горниле войн и революций: Украина в 1917-1920 гг.: Историко-историографические эссе. М., 2018. С. 148.
- ³⁶ Донесение начальника штаба... С. 130.
- ³⁷ Краткая докладная записка Комиссара по эвакуации войскового имущества линии Луга-Псков от 29.03.1918 // РГВА. Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Л. 14; Докладная записка Комиссара Главного управления пограничному снабжению от 21 февраля 1918 г. // РГВА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 22-23.
- ³⁸ *Слюсаренко В.А.* На Мировой войне, в Добровольческой армии и в эмиграции. Воспоминания 1914-1921. М., 2016. С. 280.
- ³⁹ *Ланник Л.В.* Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2021. С. 597.
- ⁴⁰ *Balkelis T.* Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // Journal of Contemporary History. 2015. Vol. 50(1). P. 39.
- ⁴¹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: [В 5-ти т.] Париж; Берлин, 1921. Т. 1. Вып. 2. С. 49.
- ⁴² Отчеты о деятельности Главного и окружных военно-хозяйственных управлений за время с 1917 по 1920 год // РГВА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 598. Л. 35-35 об., 571-577.
- ⁴³ См. подробнее: Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Э.И. Колчинский [и др.]. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.
- ⁴⁴ См. подробнее: *Аксенов В.Б.* Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 488 с.
- ⁴⁵ Журнал заседания Московского общества сельского хозяйства. 18 ноября 1916 года // Вестник сельского хозяйства. 1917. № 5. С. 14.
- ⁴⁶ Протокол конференции по Химической промышленности от 23 января 1918 г. // РГВА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
- ⁴⁷ Там же. Л. 46.
- ⁴⁸ *Врублевский А.* Польша. М.: Гос. соц.-экон. издательство, 1936. С. 83.
- ⁴⁹ *Żychowski J.* Selected Elements in the Soils Covering Mass Graves from World Wars I and II in Southeastern Poland // Minerals. Multidisci-

- plinary Digital Publishing Institute. 2021. Vol. 11. № 3. P. 275.
- ⁵⁰ *Żychowski J.* Wpływ masowych grobów z I i II wojny światowej na środowisko przyrodniczychowskich. Kraków, 2008. S. 259.
- ⁵¹ *Фассел Ф.* Указ. соч. С. 65.
- ⁵² *Kargol T.* Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914-1918. Kraków: Historia Iagellonica Press Association, 2012. S. 38.
- ⁵³ *Faszczka Ł.* Eksploatacja i ochrona. Lasy ziem polskich pod niemieckim zarządem okupacyjnym w latach 1914-1919: Dysertacją doktorską. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2022. S. 294-295.
- ⁵⁴ *Schnell F.* Räume des Schreckens: Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905-1933. Hamburg: Hamburger Edition, 2012. S. 12-13.
1961. № 12. С. 24-35.
10. *Краснокутский В.В.* Демобилизация русской армии в 1917–1918 гг.: На примере Западного фронта: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1997. 28 с.
11. *Ланник Л.В.* Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2021. 764 с.
12. *Ланник Л.В.* Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб.: Евразия, 2023. 816 с.
13. *Ланник Л.В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.
14. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Э.И. Колчинский [и др.]. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.
15. *Нагорная О.С., Голубинов Я.А.* Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы// Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2 (53). С. 5-16. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-2-5-16.
16. *Оськин М.В.* Ветеринарное обеспечение русской армии в период Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 83-88. DOI: 10.15372/HSS20180415.
17. *Оськин М.В.* Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С.31-49. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49.
18. Россия в Первой мировой войне. 1914-1918: Энциклопедия: в 3 тт./отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
19. *Санборн Дж.* Великая война и деколонизация Российской империи. Бостон-СПб.: Библио-россика, 2021. 456 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). Т. 4. 1917 год. М.: Кучково поле, 2015. 413 с.
2. *Аксенов В.Б.* Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 488 с.
3. *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
4. *Асташов А.Б.* Русский фронт вы 1914 - начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый Хронограф, 2014. 740 с.
5. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917–февраль 1918). М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 303 с.
6. *Бахурин Ю.А.* Фронт и тыл Великой войны. М.: Пятый Рим, 2019. 1136 с.
7. *Врублевский А.* Польша. М.: Гос. соц.-экон. издательство, 1936. 212 с.
8. *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917–1918. М.: Наука, 1987. 349 с.
9. *Кляцкин С.М.* К вопросу об использовании русской армии для нужд обороны Советской республики // Военно-исторический журнал.

20. Смольянинов М.М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. Минск: Наука и техника, 1981. 159 с.
21. Солдатенко В.Ф. В горниле войн и революций: Украина в 1917-1920 гг.: Историко-историографические эссе. М., 2018. 669 с.
22. Сулейман Н. Тыл и снабжение действующей армии. Часть 2. Фронт и армия. М.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1927. 544 с.
23. Уинтер Дж. Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы / [пер. с англ. А.В. Глебовской, науч. ред. Б.И. Колоницкий]. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 392 с.
24. Фассел Ф. Великая война и современная память/ пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 469 с.
25. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. 152 с.
26. Balkelis T. Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // Journal of Contemporary History. 2015. Vol. 50(1). P. 38-57. DOI:10.1177/0022009414551101
27. Cohen A.J. Neither Here nor There: War Memorial Landscape in Imperial Russia, the Soviet Union, and the Russian Emigration, 1914–1939 // Landscapes of the First World War / eds. by S. Daly, M. Salvante, V. Wilcox. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 173–191. DOI: 10.1007/978-3-319-89411-9_10
28. Emden R., van. Tommy's Ark: Soldiers and Their Animals in the Great War. 1st ed, Bloomsbury, 2010. 352 p.
29. Environmental Histories of the First World War / eds. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 254 p. DOI: 10.1017/9781108554237
30. Faszczka Ł. Eksploatacja i ochrona. Lasy ziem polskich pod niemieckim zarządem okupacyjnym w latach 1914–1919: Dysertacją doktorską. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2022. 396 p.
31. Golubinov I. Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry // Quaestio Rossica. 2023. Vol. 11. № 2. P. 586–602. DOI: 10.15826/qr.2023.2.807
32. Horne J. Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919–1939 // French History and Civilization. 2009. № 2. P. 101–119.
33. Kargol T. Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914-1918. Kraków: Historia Iagellonica Press Association, 2012. 323 s.
34. Keller T. Mobilizing Nature for the First World War. An Introduction // Environmental Histories of the First World War / eds. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 1-16.
35. Likhacheva A. Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives during the Great War // Quaestio Rossica. 2023. Vol. 11. № 2. P. 603–616. DOI: 10.15826/qr.2023.2.808
36. Nagornaia O.S. A Fluid Enemy, Economic Resource and Bacterio-logical Hazard: Galician Rivers in Anthropological Constructs and Occupation Practices of the First World War // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4. С. 5–13. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-4-189-199
37. Natural enemy, natural ally: toward an environmental history of warfare / eds. by R.P. Tucker, E. Russell. Corvallis: Oregon State University Press, 2004. 280 p.
38. Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 408 p.
39. Schnell F. Räume des Schreckens: Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg: Hamburger Edition, 2012. 575 S.
40. Żychowski J. Selected Elements in the Soils Covering Mass Graves from World Wars I and II in

Southeastern Poland // Minerals. Multidisciplinary Digital Publishing Institute. 2021. Vol. 11. № 3. P. 275. DOI: 10.3390/min11030275

41. *Żychowski J.* Wpływ masowych grobów z I i II wojny światowej na środowisko przyrodnicze-
chowski. Kraków, 2008. 304 s.

REFERENCES

1. *Ajrapetov O.R.* Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914-1917). T. 4. 1917 god. Moscow: Kuchkovo pole, 2015. 413 s.
2. *Aksenov V.B.* Sluhi, obrazy, jemocii. Massovye nastroenija rossijan v gody vojny i revolucii (1914-1918). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 992 s.
3. *Aksenov V.B.* Vojna patriotizmov: Propaganda i massovye nastroenija v Rossii perioda krushenija imperii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 488 s.
4. *Astashov A.B.* Russkij front v 1914 - nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'. Moscow: Novyj Hronograf, 2014. 740 s.
5. *Bahurin I.A.* Front i tyl Velikoj vojny. Moscow: Pjatyj Rim, 2019. 1136 s.
6. *Balkelis T.* Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // Journal of Contemporary History. 2015. Vol. 50(1). P. 38-57. DOI:10.1177/0022009414551101
7. *Bazanov S.N.* Bor'ba za vlast' v dejstvujushhej rossijskoj armii (oktjabr' 1917-fevral' 1918). Moscow: In-t rossijskoj istorii RAN, 2003. 303 s.
8. *Cohen A.J.* Neither Here nor There: War Memorial Landscape in Imperial Russia, the Soviet Union, and the Russian Emigration, 1914-1939 // Landscapes of the First World War / eds. by S. Daly, M. Salvante, V. Wilcox. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 173-191. DOI: 10.1007/978-3-319-89411-9_10
9. *Emden R., van.* Tommy's Ark: Soldiers and Their Animals in the Great War. 1st ed, Bloomsbury, 2010. 352 p.
10. Environmental Histories of the First World War / eds. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 254 p. DOI: 10.1017/9781108554237
11. *Faszczka Ł.* Eksploatacja i ochrona. Lasy ziem polskich pod niemieckim zarządem okupacyjnym w latach 1914-1919: Dysertacją doktorską. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2022. 396 p.
12. *Fussel F.* Velikaja vojna i sovremennaja pamjat' / per. s angl. A. Glebovskoj. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 469 s.
13. *Golubinov I.* Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry // Quaestio Rossica. 2023. Vol. 11. № 2. P. 586-602. DOI: 10.15826/qr.2023.2.807
14. *Gorodeckij E.N.* Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva, 1917-1918. Moscow: Nauka, 1987. 349 s.
15. *Horne J.* Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919-1939 // French History and Civilization. 2009. № 2. P. 101-119.
16. *Kargol T.* Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914-1918. Kraków: Historia Iagellonica Press Association, 2012. 323 s.
17. *Keller T.* Mobilizing Nature for the First World War. An Introduction // Environmental Histories of the First World War / eds. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 1-16.
18. *Kljackin S.M.* K voprosu ob ispol'zovanii ruskoj armii dlja nuzhd oborony Sovetskoj respubliki // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1961. № 12. S. 24-35.
19. *Krasnokutskij V.V.* Demobilizacija ruskoj armii v 1917-1918 gg.: Na primere Zapadnogo fronta: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1997. 28 s.
20. *Lannik L.V.* Brestskaja sistema mezhdunarodnyh otnoshenij kak prostranstvo germanskoj gegemonii v Vostochnoj Evrope: diss. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 2021. 764 c/

21. *Lannik L.V.* Neposil'naja gegemonija: Germanskaja imperija na frontah Grazhdanskoj vojny v Rossii. Saint Petersburg: Evrazija, 2023. 816 s.
22. *Lannik L.V.* Posle Rossijskoj imperii. Germanskaja okkupacija 1918 g. Saint Petersburg: Evrazija, 2020. 528 s.
23. *Likhacheva A.* Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives during the Great War // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. № 2. P. 603–616. DOI: 10.15826/qr.2023.2.808
24. Mobilizacija i reorganizacija rossijskoj nauki i obrazovanija v gody Pervoj mirovoj vojny / Je.I. Kolchinskij [i dr.]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2018. 672 s.
25. *Nagornaia O.S.* A Fluid Enemy, Economic Resource and Bacterio-logical Hazard: Galician Rivers in Anthropological Constructs and Occupation Practices of the First World War // *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 2023. № 4. C. 5–13. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-4-189-199
26. *Nagornaja O.S., Golubinov I.A.* Jekologičeskaja istorija Pervoj mirovoj vojny na vostočnom fronte: lakuny istoriografičeskogo landshafta i issledovatel'skie perspektivy // *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 2021. № 2 (53). S. 5–16. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-2-5-16
27. Natural enemy, natural ally: toward an environmental history of warfare / eds. by R.P. Tucker, E. Russell. Corvallis: Oregon State University Press, 2004. 280 p.
28. *Os'kin M.V.* Demobilizacija Rumynskogo fronta zimoj 1917–1918 g. i sud'ba russkogo voennogo imušhestva v Moldavii i Bessarabii // *Vestnik RUDN. Serija: Istorija Rossii*. 2019. T. 18. № 1. S. 31–49. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49
29. *Os'kin M.V.* Veterinarnoe obespečenie russkoj armii v period Pervoj mirovoj vojny // *Gumantarnye nauki v Sibiri*. 2018. T. 25. № 4. S. 83–88. DOI: 10.15372/HSS20180415
30. *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 408 p.
31. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. 1914–1918: Jenciklopedija: v 3 tt. / otv. red. A.K. Sorokin. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2014.
32. *Sanborn J.* Velikaja vojna i dekolonizacija Rossijskoj imperii. Boston- Saint Petersburg: Bibliorossika, 2021. 456 s.
33. *Schnell F.* Räume des Schreckens: Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg: Hamburger Edition, 2012. 575 S.
34. *Shevyrin V.M.* Vlast' i obshhestvennye organizacii v Rossii (1914–1917): Analitičeskij obzor. Moscow, 2003. 152 s.
35. *Smol'janinov M.M.* Revoljucionnoe dvizhenie soldatskih mass na Zapadnom fronte v 1917 g. Minsk: Nauka i tehnika, 1981. 159 s.
36. *Soldatenko V.F.* Vgornilevojni i revoljucij: Ukraina v 1917–1920 gg.: Istoriko-istoriografičeskije jesse. Moscow, 2018. 669 s.
37. *Sulejman N.* Tyl i snabzhenie dejstvujushhij armii. Chast' 2. Front i armija. Moscow: Gos. izd-vo. Otdel voen. lit., 1927. 544 s.
38. *Vrublevskij A.* Pol'sha. Moscow: Gos. soc.-jekon. izdatel'stvo, 1936. 212 s.
39. *Winter J.* Mesta pamjati, mesta skorbi: Pervaja mirovaja vojna v kul'turnoj istorii Evropy / [per. s angl. A.V. Glebovskoj, nauch. red. B.I. Kolonickij]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2023. 392 s.
40. *Żychowski J.* Selected Elements in the Soils Covering Mass Graves from World Wars I and II in Southeastern Poland // *Minerals. Multidisciplinary Digital Publishing Institute*. 2021. Vol. 11. № 3. P. 275. DOI: 10.3390/min11030275
41. *Żychowski J.* Wpływ masowych grobów z I i II wojny światowej na środowisko przyrodnicze- chowski. Kraków, 2008. 304 s.

THE ENVIRONMENTAL DIMENSION OF THE DEMILITARIZATION OF THE RUSSIAN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR

© 2024 Yu.A. Zherdeva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolyov

The article presents the main approaches to understanding the environmental consequences of the demilitarization of the Russian front during the First World War. The aim of the study is to reconstruct the key aspects of the demilitarization of the military landscapes of the front during the demobilization of the Russian army from October 1917 to March 1918, and to identify the long-term consequences of the impact of this process on the environment. The geographical scope of the study is mainly limited to the South-Western Front, which until October 1917 was the longest in the European theatre of operations and the demobilization of which has hardly been studied. The study is based on archival material from the Russian State Archive of Military History, the Russian State Military Archive and the State Archive of the Russian Federation, as well as published sources. The paper contains the analysis of the threats posed to the front and the frontline territory by the collapse of the Russian army, unauthorized chaotic demobilization and loss of control over military property, the practices of remilitarization of the front space, as well as the long-term consequences of the unfinished demobilization of the army and the demilitarization of the front. The author concludes that during the demobilization and subsequent remilitarization of the former Russian front, the basic environmental practices, no longer controlled by responsible civilian institutions such as zemstvos, became even more predatory. The loss of control over military property by the military command in October-November 1917 was accompanied by the loss of control over order in the districts of the frontline provinces by the local civilian authorities. If during the war years demilitarization (cleaning trenches and their surroundings from the effects of suffocating gases, sanitation, land reclamation, collecting weapons from battlefields) was practiced as a means of preserving the combat effectiveness of the army, then chaotic demobilization overshadowed these environmental issues with trivial problems of transporting and preserving military property. In the environmental field, these effects become particularly clear when we examine the economic processes of the inter-war period.

Keywords: World War I, South-Western Front, environmental history, military landscapes, combatants, Russian Imperial Army, Brest Peace, demobilization, demilitarization, recovering, disinfection, transport crisis, decolonization, 1917 Revolution, 1914-1918.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-1-39-55

EDN: MTGJCT